

К 60-летию Великой Победы

Х.И. Лесмент, О.А. Лавренова

«Не замай!»

Рерихи и Великая Отечественная война

*Самое дикое проявление свободной воли
закljučается в войне. Люди не хотят подумать,
какие токи они вызывают и какое значение
имеет массовое убийство! Древние Заветы
правильно указывали, что поднявший
меч от меча погибнет.*

Надземное, 88

Ушедший XX век был самым тяжелым в истории человечества. Наблюдая обострившееся до крайности противостояние созидательного и разрушительного начала в человеке, лучшие умы, философы, писатели, поэты, художники Серебряного века предощущали неизбежность грядущих катастроф. Прогромели над Европой и Россией Первая мировая война и революция, и, казалось бы, свершилось все, чего ожидали. Но тень очередной надвигающейся угрозы накрыла мир.

Предчувствие новой трагедии человечества, Второй мировой войны, задолго до ее начала тревожило великого художника, мыслителя, ученого, общественного деятеля Николая Константиновича Рериха и его супругу, образованнейшую женщину своего века, выдающегося философа Елену Ивановну Рерих. О надвигающемся Армагеддоне, мировой духовной катастрофе, Е.И. Рерих предупреждала еще в 20-е годы XX столетия. Н.К. Рерих развернул огромную организационную работу, предлагая международному сообществу создать

правовую систему защиты культурных ценностей. Военная напряженность в мире нарастала, разгорались локальные военные конфликты в Испании, Абиссинии, в Германии и Италии поднимал голову фашизм. Призывы Николая Рериха к миру, к защите культуры не были услышаны в крике обезумевших толп. Европа, владевшая богатейшими культурными сокровищами, так и не решилась присоединиться к Пакту Рериха, во многом предопределив трагическую судьбу уникальных памятников истории и культуры. В сентябре 1939 года, когда разразилась Вторая мировая война — катастрофа, масштабы которой тогда еще невозможно было представить, Николай Константинович пишет очерк «Опять война». Это горькие слова человека, пережившего Первую мировую. В 1914—1916 годах, он, как и все, верил, «что такой войны больше не будет, что подобное человеческое безумие больше неповторимо»¹. Но история сделала новый страшный виток: «Опять сброшены бомбы на мирных жителей. Опять потоплены суда, перевозившие мирных путников. Опять разбиты школы и разорваны детские тела. <...> Сердце не допускает, что еще один земной ужас начался»². «Безумие» — именно так Н.К. Рерих определяет войну, уносящую миллионы человеческих жизней и разрушающую культурные накопления человечества, бережно хранимые веками и тысячелетиями.

Рерихи глубоко осознавали апокалиптическую эту войну: «Изобретена особая тоталитарная война. Война против всего живого, против всего сущего»³. Привычный хрупкий мир рушился. Человеконенавистничество, безответственность, вандализм, всевозможные фобии становятся антигероями «Листов дневника» Николая Константиновича: «...сейчас мир стонет от безответственности. Война! И потому “все можно”, все допущено. И трактирный джаз заглушает стоны бредущего человечества»⁴.

В 1940 году Николай Рерих, предчувствуя, на кого направлена агрессивность стремящейся к мировому господству нацистской Германии, каким будет ее следующий шаг, предупреждает: «Всякий, кто ополчится на народ русский, почувствует на хребте своем. Не угроза, но сказала так тысячелетняя история народов. Отскакивали разные вредители и поработители, а народ русский в своей целине необозримой выорывал новые сокровища. Так положено.

¹ Рерих Н.К. О Великой Отечественной войне. Минск, 2002. С.15.

² Там же. С.16.

³ Рерих Н.К. Листы дневника. Т. II. М., 2000. С. 193.

⁴ Рерих Н.К. Листы дневника. Т. III. М., 2002. С. 44.

Н.К. Рерих. Армагеддон. 1935—1936

История хранит доказательства высшей справедливости, которая много раз уже грозно сказала: «Не замай!»⁵

Как заклинание, Николай Константинович повторяет эту фразу в течение всей Великой Отечественной войны во многих письмах, статьях, «Листах дневника», радуясь сбывающемуся давнему своему пророчеству. «Не замай! — перед войною говорили мы врагам. Напоминали грозные примеры истории, но, видимо, судьбе угодно было явить Народ Русский великим победителем — на страх всем врагам. “Не замай” Руси! Не испытывай на себе необоримую мощь Русского воинства. Мощь всенародную»⁶, — напишет он в начале победного 1945 года.

«Памятки народу русскому»

Предостережение «Не замай!», касающееся России, стало лейтмотивом ряда полотен художника в предвоенные и военные годы. Еще в 1932 году, изображая Сергия Радонежского («Св. Сергий»), Рерих делает на картине надпись славянской вязью: «Тебе трижды суждено спасти Россию. Первый раз при Дмитрии Донском, второй раз в Смутное время, третий раз...» Многоглаголивое красноречиво говорило о предчувствии ратного подвига сынов России. В тяжелейшее для России время случилось то, о чем нельзя было даже помыслить в предвоенные 30-е годы, при безбожной власти в стране, — ее народ обратился (а власть почувствовала и признала силу этой духовной жажды) к Богу, к заступнику Земли Русской Сергию Радонежскому, к этим древнейшим связанным с ее историей образам!

В предвоенный 1940 год, ощущая духовную потребность своего народа, Николай Константинович создает картины «Богатыри проснулись» и «Александр Невский», а в первые дни Великой Отечественной войны — «Поход Игоря». В самый тяжелый период войны появляются новые работы художника, посвященные героической русской истории: «Ярослав», «Мстислав Удалой», «Единоборство Мстислава с Редедей», «Весть Тирону», «Новая Земля (Новгород)», «Горыныч», «Огни Победы». Повторяются, в новом осмыслении, картины «Настасья Микулична», «Святогор», «Борис и Глеб», «Александр Невский» и др. В этих картинах-оберегах воскресали исторические образы, события Древней Руси, зовущие на подвиг во имя Родины и справедливости.

Автор этих замечательных полотен, человек со скандинавской фамилией Рерих родился на русской земле, с детства проникся ее духом и с молоком матери, псковитянки Марии Васильевны, урожденной Коркуновой-Калашниковой, впитал любовь к своей родине — России. Огромные знания истории Руси, накопленные и синтезированные Николаем Рерихом, — знания не только книжные, но и полученные при встречах с людьми Земли Русской, исхоженной им вдоль и поперек, изученной и «прощупанной» своими руками во время археологических раскопок, многочисленных поездок, двухгодичной экспедиции «По старине», прошедшей главным образом по северным, исконно русским краям.

Стальным лемехом прошлась Великая Отечественная война по душам истинно русских людей. И где бы судьба ни застала их в те дни, даже в самых отдаленных уголках света, вне зависимости от причин, из-за которых они оказались за пределами России, всех объединила общая тревога за судьбу Родины. «Все мы, каждый по-своему, творим русское дело, — пишет в “Листах дневника” Н.К. Рерих. — На любом месте земли можно принести пользу Родине, оборонить ее от всего зла»⁷. «Николай Константинович и Елена Ивановна, — писал о родителях Святослав Рерих, — всегда чувствовали себя частью России. Никто никогда не мог отделить их от Родины. В них была заложена глубокая русскость»⁸. Из 73 лет своей жизни Николай Рерих 42 года прожил на родине — в России. Большая часть остальных прожитых им лет выпала на его вторую родину — Индию. А в других странах, задерживаясь на короткое время, он побывал именно путешествуя. «Я же не перебирался за границу. Я путешествовал, а совсем уезжать из России — такого вообще не приходило мне в голову»⁹, — писал Николай Константинович. Где бы Рерихи ни были, память о России, мысли о ней, сопереживание вместе с соотечественниками испытаний, выпавших на ее долю, было сущностью этой семьи. «Я счастлив тем, что пришлось много и в разных странах говорить о Родине, о сокровищах народа русского»¹⁰ — это строки из письма Н.К. Рериха брату, Б.К. Рериху.

Полотна великого художника свидетельствовали о духовных сокровищах народа, о героическом несломленном русском духе. «Неужели все бывшие битвы не сломали? Нет, не сломали. Вот же несколько не сломали. Елена Ивановна, уви-

дав “Мстислава Удалого и Редедю” и “Пересвета с Челубеем”, воскликнула: “Должно быть, ужасная война, если даже самый мирный человек изображает смертные поединки”. Хочется оставить памятки народу русскому о всех монахах, о великих поединках за славу Русской Земли. Может быть, друг-мозаичист каменно сложит эти памятки, а молодежь еще раз вспомнит, о чем всегда нужно держать в сердце. Полетите, светлые чайки, к русскому народу!»¹¹

Картина «Поход Игоря» была написана практически сразу после начала Великой Отечественной войны. «Это не иллюстрация к классическому памятнику древнерусской литературы. Рерих <...> стремится лишь к одной цели — выразить величие воинской доблести родного народа. Вся нижняя часть полотна занята цепью пеших и конных ратников Игоря, которые появляются из ворот крепостной стены и исчезают за горизонтом. Четко выделяются их темные силуэты. Огненно пламенеют щиты. Реют хоругви, колышутся длинные пики. Желтое небо, столь неожиданно и смело выбранное художником для изображения солнечного затмения, переходит в густую синеву. Ярко горит золотая корона затемненного диска солнца. Чрезвычайно эмоциональный цветовой аккорд картины звучит торжественно. В нем и траур по предпреступленным потерям, и утверждение воинской мощи»¹².

Идея, вложенная художником в полотно «Борис и Глеб», — вселить веру в победу русского народа в тяжелейшее, казалось бы, безысходное время начала Великой Отечественной войны. Незамысловатая и скупая в деталях картина, но какой пласт истории России в ней поднят! Ситуация, многократно повторявшаяся в русской истории, из которой русичи с достоинством выходили, побеждая вторгавшихся на ее территорию врагов. Здесь необходимо подчеркнуть существенную деталь: 1942 год — год завершения картины, а начата она была в труднейшие дни войны, когда враг стоял под Москвой. 30 декабря 1941 года Николай Константинович записал в дневнике: «Начат “Борис и Глеб”, *поспешающие на помощь* (выделено нами. — Авт.)»¹³.

Борис и Глеб — братья-князья времен Киевской Руси, после ее крещения — первые канонизированные святые Русской Православной Церкви, почитание которых быстро перешагнуло русские пределы. Суть их подвига и канонизации образно объяснена в «Чтениях» о Борисе и Глебе извест-

ного летописца Нестора. Вот что пишет об этом академик Д.С. Лихачев в книге «Русские летописи»: «Князь Владимир просветил учением Христа русский народ, крестившийся без сопротивления и ропота. Перед русским народом стояла великая историческая миссия: как последний из призванных, он должен был стать первым в историческом процессе. Но дьявол решил поразить Русскую землю в самое сердце — в “корень” крестившего ее Владимира. Он воздвигает распрю в семье Владимира, в которой среди многих сыновей как “две звезды светле” сияли Борис и Глеб. По наущению дьявола, брат Святополк убивает их. Однако безропотная смерть Бориса и Глеба, оставшихся верными и покорными своему старшему брату — убийце Святополку, разрушает замыслы дьявола. Борис и Глеб подали своею смертью всем русским князьям пример братской любви и покорности. Их устами провозглашен принцип старшинства: “Не отъиду, ни отбежу от места сего ни паки сопротивлюся брату, старейшему сущю”, — говорит Борис»¹⁴.

Неважно, что на самом деле все выглядело гораздо проще: брат избавился от претендентов на престол, что было обычным делом в те времена. Главное, что смерть и канонизация Бориса и Глеба «явились торжеством национальной политики Ярослава (Мудрого) и приобрели форму национального культа»¹⁵. Как отметил летописец, «праздник Бориса и Глеба еже есть праздник новой Русьской земли». Новой, становившейся все более самостоятельной, независимой от Византии (чего и добивался Ярослав) Русской Православной Церкви.

На картине Николая Рериха отражен более поздний пласт русской истории: здесь Борис и Глеб предстают перед нами уже в роли Святых — Спасителей Земли Русской. В 1240 году 20-летнему Александру Ярославичу, княжившему в Новгороде, пришлось вступить в схватку с вторгшимися в земли Новгородской Руси шведами. Перед решительным сражением, как рассказывает летописец, один из приближенных рассказал князю о своем видении. Будто плывет ладья, а в ней два витязя в красных одеяниях, и похожи они на Святых князей Бориса и Глеба. Плывут они к берегу, и Борис говорит Глебу: «А что, поможем родственнику нашему Александру?» И хотя князь не велел рассказывать о видении дружинникам перед боем, летописец считает, что под сенью этих святых Александру удалось преодолеть пя-

⁵ Рерих Н.К. Листы дневника. Т. II. С. 322.

⁶ Там же. Т. III. С. 266.

⁷ Там же. С. 22.

⁸ Рерих С.Н. Стремиться к прекрасному. М., 1993. С. 117.

⁹ Беликов П.Ф., Князева В.П. Николай Константинович Рерих. Самара, 1996. С. 179.

¹⁰ Рерих Н.К. Письма к Б.К. Рериху. Письмо от 16.07.37. Отдел рукописей МЦР. № 494. Л. 3.

¹¹ Рерих Н.К. Листы дневника. Т. III. С. 79.

¹² Беликов П.Ф., Князева В.П. Николай Константинович Рерих. С. 187.

¹³ Рерих Н.К. Листы дневника. Т. II. С. 461.

¹⁴ Лихачев Д.С. Великое наследие. М., 1979. С. 119.

¹⁵ Там же.

Н.К. Рерих. Борис и Глеб. 1942

тикратно превышающие силы врага. После этой блистательной победы Александр Ярославич и стал именоваться Невским. Тема этой картины была особенно близка художнику, недаром он неоднократно возвращался к ней. Дело в том, что детство его прошло как раз в тех местах, где был совершен подвиг воинов Александра Невского, и, несомненно, маленький Коля Рерих не раз слышал легенду о видении «старейшины земли Ижорской именем Пелгусий», которому в тех краях была «поручена стража морская»¹⁶. В новом варианте картины 1942 года нет увиденных Пелгусием гребцов «сидяща аки в молнию одена» (образ весьма соблазнительный для любого художника), и сами Борис и Глеб не «витязи в красных одеяниях», а именно Святые, — Рерих концентрирует на этом наше внимание. Святые, общепризнанные «заступники земли Русской», которые не только напоминают о

ратном подвиге русичей, но и берут их под свою защиту, благословляют на новые подвиги во имя Святой Руси.

Героический характер русского народа — тема и живописных, и литературных произведений Николая Рериха военных лет. Николай Константинович писал, что ни в одном другом европейском языке нет понятия, близкого к русскому слову «подвиг» в его духовной многозначности. Русский человек не ломается под ударами судьбы, даже тяжелейшие испытания — источник сил для его всеобъемлющей души. Упорство и трудолюбие, красота действия, дружелюбие и смекалка — качества русского национального характера, которым посвящено немало очерков «Листов дневника». Наблюдая мировые события, Николай Рерих удивляется тому, как один за другим почти без боя сдаются японцам города

Юго-Восточной Азии. Он вспоминает подвиг защитников Порт-Артура в русско-японскую войну, продержавшихся одиннадцать месяцев, Москву, не сдавшуюся фашистским ордам. Это не просто сопоставление событий, но именно сравнение духа армии, духа народа, стоящего за свою Родину до конца или отступающего в смятении перед захватчиками. В этом сравнении еще более блистательной становилась слава русских побед.

«БЫТЬ БЫ С НИМИ»

Юрий и Святослав Рерихи, сыновья Николая Константиновича и Елены Ивановны, трижды обращались в советское посольство в Великобритании с просьбой зачислить их в

ряды Красной Армии. «Если до Второй мировой войны, — пишут биографы Рериха, — художник проявлял подчас известную осторожность в высказываниях своих политических взглядов, вызванную тем, что необходимо было беречь от нападок связанные с его именем учреждения, то теперь он открыто объявил себя сторонником России, публиковал статьи в ее поддержку, писал о научных и культурных достижениях народов Советского Союза»¹⁷.

«Быть бы с ними», с русским народом — основная мысль многих дневниковых записей и рериховских писем военных лет из Индии друзьям, соратникам, сотрудникам учреждений культуры, созданных им в Америке в 20-е годы. В этих письмах и записях нет ни одной ноты уныния, растерянности. Даже в самые критические дни войны — только уверенность в победе русского народа: «Родные наши, будем мужественны и бодры, события развиваются, и победа России над Германией скоро будет очевидна. Исполнится древнейшее пророчество — кто в дни мировой войны будет с Россией, тот победит»¹⁸. «Спорили мы со многими шатунами, сомневающимися. Лжепророки предрекали всякие беды, но всегда говорили мы: “Москва устоит!”, “Ленинград устоит!”, “Сталинград устоит!” Вот и устояли! На диво всему миру выросло непобедимое русское воинство!»¹⁹

Николай Рерих использует все возможности, чтобы помочь Родине, даже находясь вдали от нее. Не только значительные денежные пожертвования, но и неустанная работа на «информационном фронте» — статьи в газетах, выступления по радио в поддержку советского народа. В письмах Рерихов к сыну Святославу, который в 1941—1942 годах находился в разъездах по Индии, договариваясь о выступлениях, организуя продажу книг и картин в пользу Советского Красного Креста, постоянно упоминаются сводки с фронта. Рерихи не оплакивают судьбу Родины в трудную годину, в самый тяжелый период войны, когда Советская Армия сдавала Германии рубеж за рубежом, Николай Константинович и Елена Ивановна пишут своему младшему сыну: «По-прежнему не унываем сведениями с фронта, ибо знаем, что Хитлер не восторжествует»²⁰. Все подробности, сообщенные по радио, вызвали живой отклик и новые надежды: «Очень радовались, что Шапошн[иков] назначен начальником штаба, — уже чувствуются его

¹⁷ Беликов П.Ф., Князева В.П. Николай Константинович Рерих. С. 188.

¹⁸ Рерих Е.И. Письма в Америку. В 4 т. Т. II. С. 357.

¹⁹ Рерих Н.К. Листы дневника. Т. III. С. 91.

²⁰ Рерих Н.К., Е.И., Ю.Н. Письма С.Н. Рериху. Письмо от 20.11.41. Отдел рукописей МЦР. № 2075. Л. 29 (об.).

¹⁶ Легенду о Пелгусии, ссылаясь на Новгородские летописи, приводит Д.И. Иловайский в книге «Становление Руси». М., 2003. С. 852.

мероприятия. Но, конечно, когда ему будет дана полная власть, то дела станут еще лучше»²¹.

«Представь себе, — пишет Н.К. Рерих брату в Москву, — как мы сидим около радио и радуемся. Всегда мы верили в Русскую мощь, так оно и есть»²².

«Конец года (1942. — *Авт.*) ознаменовался большими русскими победами, так и должно быть. В новом году все продолжится и разовьется»²³.

О Сталинграде (1943): «Победа, огромная победа! Вспомнили мой листок «Не замай» Россию. Каждый посягнувший на нашу Родину погибнет с несмываемым позором»²⁴.

«Радуемся событиям в России, и так разгром Хитлера начался. <...> Как ни грустно то, что случилось с Американским флотом, но будем надеяться, что и Япония встретит свой час. Мое чувство говорило, что ни Петроград, ни Москва не будут взяты немцами, так и теперь я знаю, что японцы на континенте Индии не будут. Грозный час Японии наступит»²⁵.

«Так неудержимо наступают богатырские дружины, что не успеваешь передвигать значки. <...> Не успели отметить Харьков, а тут и весь Донбасс, и Новороссийск, и Красноград, и Брянск, и Мариуполь, Чернигов, Полтава, а теперь подступы к Смоленску и Киеву не за горами»²⁶ (сентябрь 1943).

«А наши-то, наши Русские Победы! Так и гремят. Там, где весь народ встал за свою землю, там он непобедим»²⁷ (март 1944).

«Заспешили большие события. Уже в третий раз русские войска в Берлине — 1756, 1813, 1945 — каждое столетие»²⁸ (май 1945).

В письмах и радость узнавания освобожденных от фашистов родных, близких Рерихам мест: «Вот наша станция Волосово <...>, Леможа, Заполье, Извара — все наши места...»²⁹ И тревога: «Среди взятых мест мелькнули Скерневицы. Жива ли там церковь по моему проекту? <...> Жива ли мозаика в Почаеве? <...> Жив ли храм в Талашкине? <...> Жива ли мозаика в Пархомовке около Киева? <...> Жива ли мозаика в Шлиссельбурге? Жива ли часовня во Пскове на мосту через Великую? Сколько рассыпалось!...»³⁰

Опасения Николая Константиновича за судьбу своих работ были не напрасными. Многие из них

не уцелели в пламени войны. Под бомбежкой погиб в Ленинграде, на Морской улице, фриз «Север», выполненный по эскизам Рериха в 1905 году. Частично был утрачен «Богатырский фриз», состоявший из девятнадцати декоративных панно и созданный в 1910 году в Петербурге в доме Ф.Г. Бажанова. Погибла мозаика в церкви поселка Морозовка вблизи Шлиссельбурга. Бесследно пропали работы, хранившиеся в музеях Минска, Симферополя, Сталинграда. Но многое было и сохранено. Сохранено самоотверженным подвигом работников Третьяковской галереи, Русского музея, музеев Смоленска, Новгорода, Пскова, Воронежа, Калуги, Киева. В нечеловеческих условиях, под бомбежками, в голоде и холоде советские музейщики спасали национальное достояние — картины великих русских мастеров. Спасали, забывая о собственной жизни, проявляя чудеса выдержки и находчивости. Рерих не знал всех подробностей битвы за сохранение национальной культуры, но, читая в советских газетах некоторые отдельные эпизоды этой героической летописи, отдавал дань уважения и восхищения тем, кто спасал сокровища, называл их «героями Культуры». Пройдет несколько тяжелых лет войны и послевоенной разрухи, и в возрожденные, иногда отстроженные заново выставочные залы вернутся все спасенные коллекции, в их числе — работы Н.К. Рериха³¹.

В далекой Индии Рерихи радовались не только фронтовым победам, но и подъему национального духа соотечественников. Николай Константинович записывал в «Листах Дневника»: «С удовольствием читаю эти журналы и знакомлюсь с новой психологией — восхищаюсь почитанием роли искусства и его значения в жизни страны — и журналы и газеты подчеркивают это. Ведь сказал Шостакович: “Во время войны музы не молчат”. Проблески новой эпохи, нового понимания в массах — все это волнует дух, дает радость. Часто думаю о том, как был бы оценен там великий дух, мыслитель, творец, работающий для общего блага! Прихожу к заключению, что рост народного сознания там превзошел все ожидания. Удивительно это и прекрасно»³². Слушая советское радио, Рерихи радовались сообщением, что русские воины, продвигаясь на запад,

²¹ Рерих Н.К., Е.И., Ю.Н. Письма С.Н. Рериху. Письмо от 06.11.41. Отдел рукописей МЦР. № 2075. Л.26.

²² Рерих Н.К. Листы дневника. Т. III. С. 88.

²³ Там же. С. 85.

²⁴ Там же. С. 91.

²⁵ Рерих Е.И., Письма С.Н. Рериху. Письмо от 25.12.41. Отдел рукописей МЦР. № 2075. Л. 34 (об.).

²⁶ Рерих Н.К. Листы дневника. Т. III. С. 141.

²⁷ Там же. С. 186.

²⁸ Там же. С. 273.

²⁹ Там же. С. 178.

³⁰ Там же. С. 252.

³¹ Кончин Е. Рерих, опаленный войной... / Рерих Н.К. О Великой Отечественной войне. М., 1994. С. 11.

³² Рерих Н.К. Листы дневника. Т. III. С. 106.

бережно относятся к культурным сокровищам: «Победное воинство есть и воинство культурное. Великое дело!»³³

Из-за войны замерла деятельность большинства связанных с именем Рериха культурно-просветительных организаций. Но по инициативе Николая Константиновича друзьями в США была создана Американо-Русская Культурная Ассоциация (АРКА), «много сделавшая для взаимодоверия и взаимопонимания американского и советского народов в военные годы»³⁴. Приняв предложение о почетном президентстве в этой организации, Николай Константинович давал советы, как лучше организовать работу АРКА, это одна из постоянных тем его писем в Америку.

«Велика задача — дать множеству зрителей и слушателей правильные доброжелательные сведения. Два великих государства должны быть обоюдно справедливо осведомлены. <...>

Так мало знали народы о великом Русском народе! Мы как пионеры таких сближений знаем,

как часто бывала не понята Русь по поведению. И теперь, когда молния Русского Подвига осветила мир, когда трубный голос Русской Победы прогремел над землею, теперь должны народы доподлинно знать о Русском сердце, о трудах русского народа, о их продвижении и творчестве. Широкая пашня для АРКА»³⁵.

«В пределы АРКА <...> входит все, касающееся Культуры <...>, решительно все, чем совершенствуется жизнь народа. Обо всем этом давайте сведения в прессу для широкого ознакомления...»³⁶

Надо отметить, что членами АРКА были многие видные деятели культуры США — Эрнест Хемингуэй, Рокуэлл Кент, Чарли Чаплин, ученые с мировым именем Артур Комптон и Роберт Милликен³⁷, и многие другие видные деятели, чье участие придавало особую весомость этой организации. «Накапливайте новых друзей и среди них — молодых»³⁸, — последнему Николай Константинович уделял особое внимание. — «Ведь для них вносим в жизнь культурные основы»³⁹. «Пусть

³³ Рерих Н.К. О Великой Отечественной войне. С. 33.

³⁴ Беликов П.Ф. Святослав Рерих. Жизнь и творчество. М., 2004. С. 121.

³⁵ Рерих Н.К. Листы дневника. Т. III. С. 254—255.

³⁶ Там же. С. 99—100.

³⁷ Беликов П.Ф. Святослав Рерих. Жизнь и творчество. С. 121.

³⁸ Рерих Н.К. Листы дневника. Т. III. С. 97.

³⁹ Там же. С. 41.

Н.К. Рерих. Партизаны. 1943

АРКА привлечет молодые сердца. Непременно пусть привлечет и отоплит»⁴⁰. «В Нью-Йорке столько школ! Сколько полезных сведений о Руси можете заронить в сердца молодежи!»⁴¹ «Суть этого дела в том, что имеете в виду будущее»⁴².

И новые советы: «Если в студии есть место для материалов ВОКСа (Всесоюзное общество культурных связей с границей. — *Авт.*), то сделайте постоянную выставку. <...> Пусть к Вам приходят. <...> Это будет живой нерв Культуры...»⁴³. «Пусть движутся выставки АРКА и по музеям, и школам, и всяким общественным учреждениям — всюду откроются новые хорошие сердца»⁴⁴.

Понимая, как важно поддержать дух воинов на полях сражений, Николай Константинович предложил выпускать специальные открытки — солдатские письма-складушки с художественно оформленной стороной для адреса. Сейчас уже сложно сказать, кому принадлежала такая же идея в России, но эти «легкокрылые вестники», как их называл Н.К. Рерих, для мальчишек военных лет, особенно в деревенской глуши, были запомнимшимися на всю жизнь источниками первоначальных знаний об истории Родины, первым толчком к познанию ее героического прошлого. Александр Невский и Ледовое побоище, Куликовская битва Дмитрия Донского, Александр Суворов, Михаил Кутузов — эти герои и события русской истории запечатлелись в детском сознании благодаря письмам-открыткам военных лет.

О том, что было сделано Рерихами для России, можно судить по строкам «Листов дневника»: «Спрашивают, что сделано у нас за время войны. <...> Написано более тысячи картин, и больших и малых. <...> В журналах и газетах прошел длинный ряд очерков и листов дневника»⁴⁵. «Прилагаю список пятидесяти двух журналов и газет в Индии — в них писал я за эти годы. В некоторых — иногда, в других ежемесячно долгое время»⁴⁶. «Помогали Красному Кресту Русскому и Индийскому, и Военному фонду. <...> Когда подведете итоги военного времени, получается немало происшедшего, несмотря на все трудности и препоны...»⁴⁷

«Препон» было достаточно: письма шли месяцами, не было материалов для работы, бумаги, красок, холста. И, главное, конечно, недоверие

некоторых английских чиновников в Индии, ставивших палки в колеса, и нападки недоброжелателей из эмигрантского зарубежья. Рерихи мечтали трудиться на благо Родины не только за ее пределами, но и на родной земле. «Так хочется там, на Руси, помочь всем знанием, всем опытом, всеми накоплениями»⁴⁸. Николай Константинович писал брату в самый разгар войны: «Да, да — всегда и везде будем рады встретиться и вместе трудиться во славу народа русского. И приехать на работу всегда готовы. И картины, и писания — словом, вся творческая работа всех нас полезна Родине, и не мало уже сделано за эти годы. <...> Конечно, здоровье Е.И. [Рерих] хрупко, но все же держится хорошо, она так много работает. Юрий так и рвется на работу, и столько у него накоплений! Светик развернулся в мощного художника. Все наши силы, весь опыт и знания должны быть приложены к достижениям родной земли»⁴⁹.

Армагеддон Культуры

С Победой поводов для тревоги о судьбах России и мира не стало меньше. Рерихов теперь волнуют не менее страшные последствия войны. «Во всей жизни почувствуется пропасть, и ее нужно спешно заполнить. Сделать это можно лишь Культурой. Мир через Культуру. <...> Шесть лет царил ненависть. Ее поощряли, воспитывали. <...> Какие просветительные усилия должны быть напряжены, чтобы излечить застарелые язвы! <...> Люди нагляделись на всевозможные акты жестокости, свирепости, и много забот потребуются, чтобы вернуть их сознание Культуре...»⁵⁰

С не меньшей болью оглядывалась на завершившуюся войну Е.И. Рерих: «Пишу в дни ПОБЕДЫ. Сколько счастья, но и горя! Несомненно, к осени будет покончена война с Японией, но надолго ли она притихнет? Со смертью Рузвельта закончилась еще одна страница истории. Новая начнется трудно, сложен узор, но пусть будет радостно тем, кто готов на подвиг культурного строительства. Канун всегда тяжок. Еще немного терпения, и новые просветы станут возможны. Каждое зерно не пропадет там, где земля была вспахана великими страданиями народа.

⁴⁰ Рерих Н.К. Листы дневника. Т. III. С. 89.

⁴¹ Там же. С. 200.

⁴² Там же. С. 94.

⁴³ Там же. С. 191.

⁴⁴ Там же. С. 203.

⁴⁵ Там же. С. 277.

⁴⁶ Там же. С. 215.

⁴⁷ Там же. С. 278.

⁴⁸ Там же. С. 178.

⁴⁹ Рерих Н.К. Письма Б.К. Рериху. Письмо от 07.09.42. Отдел рукописей МЦР. № 494. Л. 5.

⁵⁰ Рерих Н.К. Листы дневника. Т. III. С. 277.

Тяжко было узнать из письма Роб[ерта] Пеля о смерти друзей в Париже. Какой смерти, неужели от голода? Ужасно, непонятно, зверское преступление над престарелым прекрасным человеком и ученым — Метальниковым! Жестокость германцев останется непревзойденной в истории народов. Лондонские журналы, которые местные англичане пересылают нам, полны описаний и фотографий безумного глума, садизма и зверства над человеческой личностью. Местные наши англ[ийские] газеты тоже передают об ужасах, творившихся в концентрационных лагерях с несчастными пленными и захваченными горожанами. Отвратительно смотреть на эти зверства, но нужно их знать. Нельзя воспитывать подрастающее поколение в незнании творившихся безумств, нельзя воспитывать в теплицах изнеженности поколение, которому суждено оявить новую землю. Героизм духа закаляется не на суровых картинках розового благополучия, но на суровом знании неприкрашенной действительности, на мужестве осознания подвига жизни во имя истинного назначения человека — создателя миров; так может сказать тот, кто <...> считает варварством, что народ, самоотверженно отстоявший свободу своей родины, захотел открыть глаза друзей на уявление разрушения его страны, его исторического культурного достояния и тех основ, которые создали и поддержали его героический дух. Не только это не варварство, но предупреждение тем, кто еще не познал страшного бедствия опустошения и обескровливания своей страны. С грустью приходится убеждаться, насколько люди полны страшного, жесточайшего эгоизма. И народу, прошедшему страшные муки и утрату всего самого драгоценного ему, предлагается уявить сладкую улыбку на выраженное ему холодное соболезнование или заслужить упрек в варварстве, если он осмелится показать свою боль и возмущение духа»⁵¹.

Елена Ивановна Рерих ощущала губительные миазмы этой войны как космическую катастрофу: «Атмосфера вокруг нашей Земли настолько сейчас отравлена ядами от происходящей безумной войны, что целительные лучи не могут пробить эту толщу. Мало кто дает себе отчет, что не только земная битва, но и надземная порождает ядовитые газы, которыми нам приходится дышать. <...> Как своевременен был Пакт и Знамя Мира! Радуюсь, что пока что удалось охранить Рим. Но неужели правда, что разрушен

Руанский Собор?»⁵² Казалось бы, война ушла в прошлое. Но пророческими оказались слова Махатмы, духовного руководителя семьи Рерихов: «...могут быть времена хуже войны. Достаточно знаете, что Мы считаем войну позором человечества. Как же тогда назвать время, которое будет хуже войны? Разве назвать его гниением человечества?»

Армагеддон нельзя понимать как только физическую войну. Армагеддон полон неисчислимых опасностей. Эпидемии будут среди наименьших бедствий. Главное пагубное следствие будет в психическом извращении. Люди утратят доверие, привыкнут изощряться во взаимном вредительстве, приучатся ненавидеть все сущее за пределами своего жилья, впадут в безответственность и погрязнут в разврате»⁵³.

Николай Константинович с горечью отмечает: «Сообщены новости Потсдамской конференции. Много говорено о фабриках и ни слова о культурных ценностях. Точно бы этот краеугольный предмет считается неважным и не заслуживает внимания. Без Культуры ни машины, ни границы не дадут истинный прогресс человечества»⁵⁴. «Нам пишут: “Армагеддон кончен”. Отвечаю: ничуть не бывало! Кончен Армагеддон войны, а теперь на человечество надвинулся Армагеддон Культуры. Еще более трудный! Человек, смятенный, истощенный, духовно обнищавший, должен сокрушить многих ехидн невежества. И много этих ядовитых кобр, заползающих в жилища»⁵⁵.

Николай Рерих обозревал разрушения, произведенные войной, и сокрушался о безвозвратно утерянном: «После Армагеддона начнут починять, подделывать. Но самая тщательная подделка все же будет не ценной. <...> Соберите все разрушения прошлой и нынешней войны, и каждый культурный деятель содрогнется. Франция, Испания, Англия, Бельгия, Россия, Польша, Германия, Австрия, Чехословакия, Италия, Венгрия, Югославия, Греция, Болгария, Румыния, Норвегия — да ведь это вся Европа! Да ведь это сокровищница многовековой мысли! Да ведь это незаменимые наслоения великого творчества! Только подумайте, везде что-нибудь было изуродовано, искалечено безвозвратно. Только подумайте!

⁵¹ Рерих Е.И. Письма З.Г. Фосдик. Письмо от 9.05.45. Отдел рукописей МЦР. № 2226. Л. 43 (об).

⁵² Рерих Е.И. Письма Муромцеву. Письмо от 12.06.44. Отдел рукописей МЦР. № 2007. Л. 6.

⁵³ Надземное, 286.

⁵⁴ Рерих Н.К. Листы дневника. Т. III. С. 296.

⁵⁵ Там же. С. 302.

Н.К. Рерих. Слепой. 1941

Неужели скажут: “Поддельная Европа”? Неужели утешаться тем, что христиане сожгли Александрийскую библиотеку?! Неужели “поддельная Европа?”»⁵⁶

Оставив этот мир в 1947 году, русский мыслитель не успел увидеть, что, восстановив свои памятники, Европа так и не смогла вернуть себе былое величие духа. Война изменила сознание людей. После ее окончания европейская культура, пытаясь понять степень ответственности тех, чьи идеи и чье искусство сформировали фашизм, с холодным ужасом констатировала феномен массовой утраты совести и то, что корни фашизма уходят в свойства человеческой природы. После лагерей невозможна поэзия, считал немецкий драматург Петер Вайс. Дневники еврейской девочки Анны Франк, не дожившей до своего шестнадцатилетия, показали, что человека можно сохранить в себе и в нечеловеческих условиях. Но как тонка эта грань между сокровенным и демоническим в душе! Эта грань была стерта, и послевоенный мир потерял ориентиры. Нобелевская премия по литературе была присуждена скандинавскому писателю Перту Лагерквисту, обожествляющему в своих произведениях бессмыслицу

бытия. «Бог умер!» — восклицал Ницше, и послевоенная Европа, прошедшая через ужасы войны, позор холокоста, заглянувшая в бездонную пропасть в душе человека, соглашалась с ним. Опять вспоминаются слова Николая Константиновича: «От войны нечего ждать душевных и сердечных благ, но, кроме того, можно убедиться, что война растравила многие внутренние воспаления человеческие, которые притаились в глубоких недрах»⁵⁷. Он видел, как человек привыкает ко всему и люди спокойно воспринимают такие ужасы, которые не так давно казались невыносимыми, но верил, что испытание войной было не напрасным: «Кто знает, может быть, и в том благо, что разные внутренние нарывы обозначатся и будут подлежать лечению»⁵⁸.

Елена Ивановна прозревала и прошлое, и будущее, указывая на разные пути самосжигающей ненависти и огненного героизма, проявленных этой войной. Первый останется в минувшем, а второй поведет народы в будущее: «Если бы могли заглянуть в пространственное клише прошлого, мы, может быть, проследили бы путь Калигулы до современного Хитлера! <...> Конечно, на ненависти строить нельзя.

⁵⁶ Рерих Н.К. Листы дневника. Т. III. С. 125—126.

⁵⁷ Там же. Т. II. С. 347.

⁵⁸ Там же.

Старый, уходящий Мир уже доказал это, и скрытая ненависть вылилась в две мировые войны и в кровавые революции. Зная русский характер, русскую незлобивую, жалостливую душу, я не могу поверить, чтобы проповедь насилия могла ужиться в русском сердце. Ведь сердце русского народа уявилось лучшей спайкой для слагания великой русской Державы. И в современной ужасающей битве русское сердце оявило настоящий героизм. Любовь к своей родине, к своему народу сплотила все сердца в героической защите. Такое сердце не может уявиться на ненависти. Вспышки возмущения народного гнева ему доступны и, может быть, как никому, но постоянная, гложущая и иссушающая все лучшие силы ненависть не совет себе гнезда в русском сердце. Героизм возможен именно там, где сердце не окаменело. Потухшие сердца героизма не ведают. По этому знаку различайте народы будущего»⁵⁹.

Сегодня, спустя более чем полвека, когда делаются попытки пересмотреть итоги Второй мировой войны и значение нашей Великой Победы, когда молодежь забывает о своих духовных корнях, предостережение Елены Ивановны звучит очень своевременно: «Нет места духовности среди массового огрубения. Грубость утверждает на *разложении*, но не на *восхождении*. Потому будем бороться против всяких разрушений и сеять, где только возможно, зерна Культуры. Не забудем, что ярая опасность равнодушия и непротivления может проявиться среди масс настолько яро, что в грозный час они не захотят бороться против врагов своего отечества. Ведь доблесть народа слагается на *действенной любви* к родине и ее *накоплениям*»⁶⁰.

И мы должны об этом помнить, отмечая очередную годовщину Победы россиян в Великой Отечественной войне и антигитлеровской коалиции во Второй мировой, отдавая дань памяти жертвам войны, подвигу оставшихся в живых воинов и тружеников тыла. На памятнике герою русской военной истории адмиралу Макарову на Якорной площади в Кронштадте есть надпись: «Помни войну!» Адмирал был не только сугубо военным человеком, но и известным ученым. В этот призыв, имея в виду разрушительные последствия войны, он вкладывал тот же предостерегающий смысл, что и Николай Константинович Рерих. Прислушались ли к это-

му? Афганистан, Чечня, Босния, бомбы с пожеланиями счастливого Рождества, падавшие на бывшую Югославию, Косово и Метохию, Ирак, обрушившиеся под ударом террористов небоскребы Нью-Йорка, Беслан — вот далеко не полная хроника послевоенного позора человечества. В сегодняшнем мире одновременно идет не менее семидесяти локальных войн, многие из них начинаются под самыми благовидными предложениями, и как тут не вспомнить слова Николая Константиновича: «Мы видим на кровавых примерах, какими вновь изобретенными способами совершаются агрессии. Самая характерная война называется умиротворением, и завоевание называется присоединением»⁶¹. Холодная война, длившаяся несколько послевоенных десятилетий, тоже война, надолго прервавшая живительную связь культур. Как исчислить эти невидимые и невосполнимые потери, последствия бесконтрольной гонки вооружений, когда две сильнейшие державы мира соревновались в изобретении средств самоубийства человечества? Как будто сегодня написано: «Оборона Культуры неотложна. Биллионы, триллионы — на войну! Но пусть хотя бы миллион — на Культуру. Пусть просвещение не будет загнанной статьей бюджета. Если такая странность случилась в прошлом, то пусть она не повторится в будущем. Иначе где же оно — будущее?»⁶²

Лишь Культура является ключом «к действительному миру»⁶³, — не уставал повторять Н.К. Рерих. Сейчас человечество начинает понимать эту непреложную истину. Нации и народы пытаются преодолеть ксенофобию, утверждая идею толерантности, учатся уважать чужую культуру, даже если она находится в противоречии с привычной для них картиной мира. Возникает общественная потребность в том, чтобы объединить различные культурные полюса — потребность в синтезе, в высших духовных ценностях. «Когда человек станет культурным, он с отвращением отвернется от зверства, каким является война. Леонардо называл войну “пащия бестиалиссима” — самая зверская глупость. Да, да, да, за мир, за Культуру нужно бороться неустанно. А всякое брюзжание и смешки не отвратят от почетного труда за Культуру!»⁶⁴

⁵⁹ Рерих Е.И. Письма Муромцеву. Письмо от 11.02.45. Отдел рукописей МЦР. № 2007. Л. 10.

⁶⁰ Рерих Е.И. Письма в Америку. В 4 т. Т. II. С. 366.

⁶¹ Рерих Н.К. Листы дневника. Т. II. С. 202.

⁶² Там же. Т. III. С. 54.

⁶³ Там же. С. 298.

⁶⁴ Там же. С. 381.

Н.К. Рерих. Святогор. 1938

Н.К. Рерих

о Великой Отечественной войне

Не замай!

В нашей изварской библиотеке была серия стареньких книжечек о том, как стала быть Земля Русская. От самых ранних лет, от начала грамоты полюбились эти рассказы. В них были затронуты интересные, трогательные темы. Про Святослава, про изгоя Ростислава, про королеву Ингергерду, про Кукейнос — последний русский оплот против ливонских рыцарей. Было и про Ледовое побоище, и про Ольгу с древлянами, и про Ярослава, и про Бориса и Глеба, про Святополка Окаянного. Конечно, была и битва при Калке, и пересказ «Слова о полку Игореве», была и Куликовская битва, и напутствие Сергия, Пересвет и Ослябя, были и Минин с Пожарским, были и Петр, и Суворов, и Кутузов... Повести были собраны занимательно, но с верным изложением исторической правды. На обложке был русский богатырь, топором отбивающийся от целого кольца врагов. Все это запомнилось, и хотелось сказать, смотря на эту картину: «Не замай!»

Впоследствии, изучая летописи русские и знакомясь с древней литературой, которая вовсе не так мала, как иногда ее хотели злоумышленно представить, приходилось лишь уже более сознательно повторить тот же окрик: «Не замай!» Пройдя историю русскую до самых последних времен, можно было лишь еще более утвердиться в этом грозном предупреждении. Оно звучало особенно, наряду с трогательными русскими желаниями помогать многим странам самоотверженно. И теперь то же самое давнее утверждение встает ярко.

Сколько новых незаслуженных оскорблений вынес народ русский! Даже самые, казалось бы, понятные и законные его действия зло толковались. То, о чем в отношении других стран деликатно умалчивалось, то вызывало яростные нападки иноземного печатного слова. При этом потрясающе было видеть неслыханное вранье,

которое никогда не было опровергнуто. Малейшая кажущаяся неудача русская вызывала злобное гоготанье и поток лжи, не считаясь с правдоподобием. Все это остается во внутренних архивах.

Останется также и то, что победы русские были исключены на Западе из исторических начертаний. А если уже невозможно было не упомянуть об удачах, о строительстве русского народа, то это делалось шепотом, в самых пониженных выражениях. И об этом остались нестираемые памятки. Для иноземных катастроф находились в международной печати самые выпендренные восклицания. Понесенные удары провозглашались победами, и преувеличению не было границ. Обо всем этом тоже остались печатные листы: бумага все терпит, а сознание людское все принимает, что отвечает его внутреннему желанию.

Но не помогло обидчикам русского народа все это кусательство. Всякий, кто ополчится на народ русский, почувствует это на хребте своем. Не угроза, но сказала так тысячелетняя история народов. Отскакивали разные вредители и поработители, а народ русский в своей целине необозримой вырывал новые сокровища. Так положено. История хранит доказательства высшей справедливости, которая много раз уже грозно сказала: «Не замай!»

Об этом можно было бы написать поучительное историческое исследование. Будет в нем сказано о том, как народ русский не только умел претерпеть, но и знал, как строить и слагать в больших трудах славное будущее своей великой Родины. Ох, хотели бы стереть с лица земли пятую часть света! Искажаются гримасами враждебные личины, слыша сведения о достижениях русских. Судьба неуклонно слагает великий путь народов русских необъятностей — не замай!

10 июня 1940

Оборона Родины

Сколько событий, что и не написать. Война с Германией. Оборона Родины — та самая, о которой писалось пять лет назад. Уже тогда началось то, что вспыхнуло сейчас. Хочется написать, хочется послать привет, а нельзя. Просто, а на почте не примут.

Ложные сведения пересекают пространство. Даже дружественные люди не знают, как судить о новых армагеддонных судорогах. Тревожно за многих друзей. Писем не дождешься. Вот вчера девять писем с почты пошли в Дармасалу на третью цензуру. Странно, что правительственная цензура в Бомбее и Калькутте кому-то недостаточна. Кому-то нужна еще полицейская цензура в Дармасале!

Что бы мы стали делать без радио? Знаешь, что посередине дня не может быть новых сведений, но все-таки ждешь не дождешься ближайшей передачи. Знаем, что гибельная беда не коснется народа русского. Знаем, знаем! Но болит сердце в ожидании волн.

В бурю всякие волны бывают, и ритм их не уловить. Шли на «Париже» в шторм. Уже все заглохло, но в шесть утра вдруг ударила гигантская волна и выбила стекла во всех этажах судна. Все вздрогнуло, но ход корабля не нарушился. Так и волны жизни. Знаем, знаем! Но все же болит сердце за жизни молодого поколения. Быть бы с ними!

Знаем, что и здесь полезны и делаем полезное. Но, может быть, где-то сделали бы еще более неотложное. Знаем, что на каждой пяди земли можно служить самому драгоценному, самому священному.

Если человек любит Родину, он в любом месте земного шара приложит в действии все свои достижения. Никто и ничто не воспрепятствует выразить на деле то, чем полно сердце. Будь благословен час, когда расцветут все полезные травы. Русскому народу не страшны испытания, претворятся они в достижения.

4 июля 1941

В грозе и молнии

В грозе и молнии кует народ русский славную судьбу свою. Обозрите всю историю русскую. Каждое столкновение обращалось в преодоление. Каждое разорение оказывалось обновлением. И пожар и разор лишь способствовали величию земли русской. В блеске вражьих мечей Русь слушала новые сказки, и обучалась, и глубила свое неисчерпаемое творчество.

Потрясения лишь вздымали народную мощь, накопленную и схороненную, как силушка Ильи Муромца. История русской культуры еще недостаточно обследовала поток народных настроений. Сам народ сказал: «Не бывать бы счастьем, да несчастье помогло».

Не успели прогнать пять недель войны, а уже многие знаменательные знаки проявились. Обозначилось народное единение, оно несет верную победу. На заводах и в сельских хозяйствах заработала русская смекалка. Рвение увеличило продуктивность. Оборона Родины научила многим полезным приспособлениям. Изобретателен русский человек, а тут поддала жару ярость против врага, и повелительно захотелось преодолеть.

По всему миру раздались добрые пожелания русскому воинству. Громко сказались удивление перед русской стойкостью. Еще раз показали дружеские вести от всех народов, которые могут высказаться. Среди подавленного славянства вос-

кресла надежда, а за нею придет и объединение.

Вместо горького испытания русский народ являет великое преуспеяние. Возникло общее дело, а ведь такое осознание не может родиться на бесплодном пустыре. Плодоносна русская нива. Когда ударит набатный колокол, все спешат помогать. Уже поняли, что не «Моя хата с краю», а «На людях и смерть красна». Многое такое совершится, что даже самые заядлые враги содрогнутся и оценят достоинства русского народа.

«Мы от рождения крылаты», полетели летчики превыше. Понятия «Родина» и «человечество» сочтались разумно, и в этом заключено такое движение, которое и веками не накопить.

Радио говорит о подвигах воинских и о смекалистых достижениях в труде. Проникло глубокое сознание, что оборона Родины повсюду — и на полях битв, и на полях труда. Всюду тот же священный порыв, победный, неукротимый. Живы в памяти герои — Кутузов, Суворов, Минин, Пожарский, Александр Невский, сам Сергей Радонежский, великий наставник народа — все, положившие жизнь свою на благо Родины. В грозе и молнии рождаются герои.

Еще знак! Во всех трудах крупное место принадлежит женщине. Это не отвлеченные, не примененные постановления конференций, а прямое участие в государственной работе. За пять недель

войны сколько женских подвигов отмечено! Подвиги самоотверженные, требующие знаний, мужества и выносливости. Во много раз преуспел женский труд. Наконец-то женщина стала у правила труда и несет народу новые достижения.

И еще знак! К трудам допущено младшее поколение. С радостью молодежь берется за работу взрослых. Прикладывает свое рвение и растет осознанием важности доверенных задач. И это

не отвлеченные школьные рассуждения, а живое приложение молодых сил к всенародному делу. Открывается самосознание, которое лишь в суровой самостоятельности укрепляет молодое стремление к творчеству.

В грозе и молнии рождаются герои.

28 июля 1941

Подвиг

Оксфордский словарь узаконил некоторые русские слова, принятые теперь в мире: например, слова «указ» и «совет» упомянуты в этом словаре. Следовало добавить еще одно слово — непере译имое, многозначительное русское слово «подвиг».

Как это ни странно, но ни один европейский язык не имеет слова хотя бы приблизительно-го значения. Говорят, что на тибетском языке имеется подобное выражение, и возможно, что среди шестидесяти тысяч китайских иероглифов найдется что-нибудь подобное, но европейские языки не имеют равнозначного этому древнему, характерному русскому выражению.

Героизм, возвещаемый трубными звуками, не в состоянии передать бессмертную, всезавершающую мысль, вложенную в русское слово «подвиг». «Героический поступок» — это не совсем то; «доблесть» — его не исчерпывает; «самоотречение» — опять-таки не то; «усовершенствование» — не достигает цели; «достижение» — имеет совсем другое значение, потому что подразумевает некое завершение, между тем как «подвиг» безграничен.

Соберите из разных языков ряд слов, означающих лучшие идеи продвижения, и ни одно из них не будет эквивалентно сжатому, но точному русскому термину «подвиг». И как прекрасно это слово: оно означает больше, чем движение вперед, — это «подвиг»!

Бесконечная и неустанная работа на общее благо имеет результатом громадный прогресс — это и дало России ее великолепных героев. Великие дела совершаются без шума, они скромно творятся на пользу человечества.

Подвиг создает и накапливает добро, делает жизнь лучше, развивает гуманность. Неудиви-

тельно, что русский народ создал эту светлую, эту возвышенную концепцию. Человек подвига берет на себя тяжкую ношу и несет ее добровольно. В этой готовности нет и тени героизма, есть только любовь к своему ближнему, ради которого герой сражается на всех тернистых путях. Он стойкий работник, он знает цену труду, он чувствует красоту действия в пылу труда, он готов приветствовать каждого помощника. Ласковость, дружелюбие, помощь угнетенному — вот характерные черты героя.

Подвиг не только можно обнаружить у вождей нации. Множество героев есть повсюду. Все они трудятся, все они вечно учатся и двигают вперед истинную культуру.

«Подвиг» означает движение, проворство, терпение и знание, знание, знание. И если иностранные словари содержат слова «указ» и «совет», то они обязательно должны включить лучшее русское слово «подвиг».

*Волнением весь расцвеченный,
мальчик принес весть благую.
О том, что пойдут все на гору,
О сдвиге народа велели сказать.
Добрая весть, но, мой милый
маленький вестник, скорей
слово одно замени.
Когда ты дальше пойдешь,
ты назовешь твою светлую
новость не сдвигом,
но скажешь ты:
«Подвиг!»*

1942

Слава

«Зачем я шел в тебя, Россия?» — пели германские пленные офицеры, проходя по улицам Сталинграда. Так передавало московское радио. Победа, огромная победа! Вспоминали

мой листок «Не замай!», писанный до войны. По истине, «Не замай!» Россию. Каждый, посягнувший на нашу Родину, погибнет с несмываемым позором.

В истории запечатлены потрясающие примеры, как были поражаемы враги русского народа. Разнообразны бывали эти поражения. Одни сказывались мгновенно, другие постепенно отступивали на разложении стран, поднявшихся против России. И об этом можно бы написать целую поучительную книгу.

И другая книга должна быть написана — о том, как великодушно, геройски вставал весь народ русский на защиту Родины. Самые многочисленные враги Земли Русской бывали посрамлены несломимым духом воинства русского и жертвенным самоотвержением всего народа. Александр Невский, Сергей Радонежский и Дмитрий Донской, Минин и Пожарский, Суворов и Кутузов — сколько славнейших вех, сколько победных восхождений!

...Каждое всенародное испытание вливало новые, неисчерпаемые силы в русские сердца. После бури еще приветливей светило солнце. Гора много, но горе преходяще, а радость нетленна. Знает русский народ священную радость любви к

Родине. Знает неустанный, преуспевающий труд. Полон народ смекалки и творчества. Помнит, что «промедление смерти подобно»...

Не найдется более безумца, который бы дерзнул ополчиться на Русскую Землю, на союзную семью народов, дружно слившихся на священной единой целине. От бойца до вождя — все трудятся. Рождаются новые силы. Крепнет сотрудничество. Исполняется сужденная слава народа русского. Бывали всякие недоверы, бывали трусливые «перелеты», бывали «нетовцы» — отрицатели. И вся эта пыльная труха исчезала, когда восходило бодрое яркое солнце народного преуспеяния. Спорили мы со многими шатунами, сомневающимися. Лжепророки предрекали всякие беды, но всегда говорили мы: «Москва устоит!», «Ленинград устоит!», «Сталинград устоит!». Вот и устояли! На диво всему миру выросло непобедимое русское воинство! Жертвенно несет русский народ все свое достояние во славу Родины! Слава, слава, слава!

4 февраля 1943

Огрубение

О пять заговорили о возможности газовой войны. Правда ли это или только остраски — покажет будущее. Но уже одни толки допускают и этот чудовищный вид истребления. Так, чтобы не только человечество уничтожалось, но чтобы и сама земля отравлялась. Куда же дальше?

И без того уже ползает мрачное огрубение. Люди совершенно спокойно толкуют о таких ужасах, какие раньше бы и в голову не пришли. Зверство входит в обиход человеческий. За огрубением протолкнется и мохнатое одичание. Ужасен лик цивилизованного дикаря. И не только взрослые, но и дети уже болтают о диких выходках.

Влезло огрубение в сердце человеческое, и трудно выгнать такого отвратительного посетителя. Врачи говорят, что при болезни здоровье уходит фунтами, а при выздоровлении возвращается золотниками. То же можно сказать и об огрубении. Тиранически овладеет оно человеком, перестроит весь обиход, опошлит мышление, и где те меры в современном государстве, которые освободят человека от безобразного одержания?

Скажете — школы, но и в них влезло огрубение. Скажете — творчество, но ведь и оно в услу-

жении грубости. Даже язык человеческий превращается в какой-то тюремный, кабацкий жаргон. И все это влезает помаленьку да полегоньку. Но тяжеленько становится от такого «полегоньку».

Плохое утешение, что дикари вымрут, но как же быть с молодежью, с детьми? Яд огрубения хуже любого наркотика. Сколько потребуются лучших помыслов, чтобы изгнать беса дикости?

Не будем закрывать глаза: человечество заболело огрубением. И от тяжких болезней можно излечиться, но при болезни Культуры какие же операции потребуются? И где та сестра милосердия, которая займется уходом? Ведь и у ней самой болит сердечко от огрубения. Помогите болящим, сестра милосердия.

Теперь и «милосердие» особенное. Из «милосердия», пожалуй, сотворят такие чудовищные бомбы, что они будут разрушать целые народы. Впрочем, ведь и гильотина изобретена из «человеколюбия». Из такого же «милосердия» изобретен и электрический стул. В Чикаго настоятельно звали посетить скотобойни. С гордостью заявляли об ежедневном убийстве пятидесяти тысяч скота.

Помогите, сестра милосердия.

12 мая 1944

«Огонь — на меня!»

Из Москвы много раз передавали этот героический приказ: «Огонь — на меня!» Высота самопожертвования грозно звучит в слове, самообрекающем на верную гибель. Воин собою, своею жизнью велит направить орудия на него, ибо около — много врагов. Памятник должен быть на месте такого героизма. Молодое поколение должно запомнить, как славно отдавали жизнь за Родину русские воины. В полном сознании, имея возможность отступить, герой предпочитал гибель за Родину. Другой телом своим закрывал дуло пулемета, чтобы спасти своих товарищей.

Велик синодик русского героизма. Вот воинство наше отменяет врага от Киева, спасает матерь городов русских. Уж наверное враги укрепились в Киеве всеми своими средствами. Слишком важен для них был Киев-град великий. И вот через быстрины Днепра плывет грозное воинство, окружает неприступную крепость и грудью своею освобождает град, где слагалось столько славных преданий.

Для врага такой удар сокрушителен не только стратегически, но и морально. Зрится враг на Москву, на Ленинград, на Сталинград, думая по-

разить русское сердце, расшатать устои народа. Но — «огонь — на меня!» — грудью отстояли богатыри свою землю.

Сейчас по бездорожью, по осенней распутице гонит воинство врага на диво всему миру. Пожимают иноземцы плечами, шепчут: «Невероятно». Но что может быть невероятного для великого народа, сплотившегося во спасение Родины? Наполеоновщина кажется малой сравнительно с размахом нынешних событий. [...]

Немецкая армия шла непобедимо, пока не толкнулась о русские твердыни. И разве сокращение фронта сейчас происходит? Происходит поражение под ударами русских войск, под водительством генералов достойных. Нигде не зацепиться «непобедимому» врагу. Даже естественные преграды не спасают его. В днепровских стремнинах тонут враги. Бросают оружие и бегут, бегут!

Русский воин зычно на весь мир кликнул: «Огонь — на меня!» Принял герой все стрелы в свой щит, в свое сердце! И спас Родину. Какая славная былина: «Огонь — на меня!»

20 октября 1943

К будущему

Декарт, Паскаль, Мольер не были включены во Французскую Академию. Не были признаны «бессмертными» в кавычках. Беру пример из множества ему подобных в разных странах. Все эти заметки для будущего. Авось одумаются и захотят мыслить по справедливости, хоть по самой убогой справедливости. Мировой пересмотр должен помаленьку совершаться. Говорю не о политическом «шапочном разборе» — он уже много где дает себя чувствовать, даже не дожидаясь конца войны. Вероятно, он будет не менее жесток и кровожаден, нежели бомбы. «Человеческое, слишком человеческое!»

Люди должны помыслить о культурных построениях, об истинном просвещении, о биологической нравственности. «Гуд тайм» и джаз еще не наставники. Рассказывали, что в предвоенное время нацистские студенты являлись на экзамены с револьверами, угрожая несговорчивому профессору. Рассказывал это сам профессор, человек доверенный. Может быть, и в иных странах бывали всякие подобные насилия. Когда культура шата-

ется, тогда можно ждать всевозможных уродств. Пусть будут эти язвы вскрыты, чтобы при дальнейших построениях избежать таких античеловеческих проклятий. Довольно крови, довольно человеконенавистничества!

Только от школы, от семьи могут быть услышаны эти спешные зовы. Пусть они будут не только гласом в пустыне, но приказом набатным. Много говорилось о разных вандализмах, но вандалы и вандальчики и в ус не дуют и продолжают свое скверное дело, дикое. Мне приходилось видеть пожимание плечей, мол, довольно о вандализмах. Ну, сказал и довольно. Нет, миленькие, вовсе не довольно. Красный Крест культуры вовсе еще не осознан. Синодик зверских вандалов растет и даже, страшно сказать, очень умножается. В основе гнездится невежество. Ведь оно может жить и во фраке с орденами. Доживет ли человечество, когда военные бюджеты будут перечислены на просвещение?!

1944

Крылья победы

Развернулись блистательные крылья победы! Каждый день, слышите ли, каждодневно славные воины возвращают Родине сотни городов и селений. Неудержимо стремится славное воинство через все вражеские препоны. Так много побед сообщает московское радио каждое утро, что весь день ходим в высоком подъеме и шлем от Гималаев сердечные мысли богатырям русского народа.

Победоносная хартия вписана в русскую историю. Так неудержимо наступают богатырские дружины, что не успеваешь переставлять значки. И все это не малые места! Не успели отметить Харьков, а тут и весь Донбасс, и Новороссийск, и Краснодар, и Брянск, и Мариуполь, а теперь подступы к Смоленску, и Киев не за горами.

Подвиг русского народа требует и достаточно летописца. Высокие слова нужны, чтобы сказать, как грозно ополчился весь народ на дерзких захватчиков!

Как выросло непобедимое воинство! Как трудовое дружество спаяло народы в одну созвучную семью! «Когда постройка идет, все идет!»

Идет великая стройка. Одни богатыри преодолевают врага. Другие куют мечи и серпы для преуспевания на славное будущее.

Слава Великому народу русскому! В каждом здешнем письме гремят сердечные слова о славе

русской, душевные пожелания побед. Чуем, как искренно звучат дружеские голоса Индии. От палящего юга до гималайских снегов множество друзей завоевал народ русский. Завоевал великим подвигом, великим самопожертвованием.

Вспоминаю, как писал нам внук Чарльза Дикенса: «Ваша страна всегда нам велика, ибо знаем ее предназначение, а теперь велика всему миру. Истинно, ваша страна спасла мир, но совершит она и еще величайшее. Будущее России может быть сравнено с вашей картиною, где великая светлая звезда блистает на заре. Россия поведет весь мир!» Много одушевляющих вестей приносит каждое радио. Да будет!

На днях мы слушали Грабаря из Москвы. Он приветствовал русские победы, говорил о германских разрушениях и хорошо отметил, как русские воины заботливо относятся к историческим памятникам. Да, да! Собирайте каждую полезную памятку. Таким путем образуются добрые летописи. Радостно отметить, что русские воины бережно относятся к культурным сокровищам! Победное воинство есть и воинство культурное. Великое дело! Славное достижение!

Развернулись блистательные крылья победы!

20 сентября 1943

Русскому сердцу

...Больно слышать о разрушениях в Новгороде, в Киеве, в Петергофе, в Пушкине, в Вязьме, в Калуге, в Калининне и во многих других старинных городах. Поручены музеи Толстого, Чайковского, Чехова, Гоголя, Пушкина... Нескончаемый синодик непоправимых разрушений!

Опять взойдет красное солнышко над землею русскою. Опять обстроится, украсится наша великая Родина! Но старинное сокровище уже порушено. Уже нет Спаса Нередицкого! Позор варварам! Позор разрушителям народного достояния!

Оборонил русский народ свою Родину. На диво всему миру народ нашел силы противостоять врагу. Отбросил народ вражеские полчища. Уже к Пскову подступает русское воинство. Сердце русское превозмогло беду. Уже идет великая новая стройка.

Победное знамя, знамя культуры, знамя труда, творчества блистательно развернется над землею русскою.

Исполать народу русскому.

Исполать всем народам семьи русской.

15 февраля 1944

Русский век

«Красная звезда» приводит слова американского «Х.С. Монитора», что грядущая эпоха будет Русским веком. И вот все, что предчувство-

валось, все, что казалось, — все становится явью. Русский подвиг, Русский труд, Русская смекалка преборолы все трудности и победно преуспели.

Произошло явление неслыханное в истории человечества. Друзья всемирно narosли. Враги ахнули и поникли. Злые критиканы прикусили свой ядовитый язык. Не только преуспела Русь на бранных полях славы, она успела в трудах и среди военных тягот, теперь же начала строиться и ковать прекрасное будущее.

И все-таки неслыханное достижение творится самобытно, своими особыми народными путями. Многие народы прислушались к действию русскому и приходят к тем же решениям.

Тридцать лет тому назад на Почаевской мозаике мне хотелось созвать сонм русских воителей. Так над западным входом собрались славные воины, ставшие крепким дозором. Скоро от Запада пришел враг. Враг всякой Руси, враг всех народов русских. Но просчитался враг, жестоко просчитался, ибо не понял сущности народа русского.

Померялся русский богатырь с врагом страшным и одолел его. Мстислав Удалой грянул оземь косожского богатыря Редедю. И Мономах выходил на единоборство. И ополчилась Русь

на Куликовом поле... да что перечислять. Народ русский научился ценить прошлое. По завету Ленина русский народ сбережет достижения старого знания, без них новой культуры не построить. «Знать, знать, знать», «учиться, учиться, учиться». На Руси будет праздник. Позовет к нему народ всех, кто принес пользу Руси. Взаимно улыбкою обменяются сотрудники всех веков. Для Русского века потребуются неограниченное знание. Вся все-народная польза будет собрана. Все русские открытия вспомнятся. И первопечатник Федоров, и все безвестные изобретатели и исследователи будут вновь открыты и добром помянуты. Перемигнется народ со всеми, кто сеял добро.

К Русскому веку русский народ может показать много достижений. А все русские подвиги нынешних дней славно возвысятся на празднике Русского века. И ведь не сами выдумали такое будущее. Из-за океана увиделось предначертание судьбы русской.

Русский век!

17 июня 1944

Победа

В Москве готовится выставка «Победа». Честь художникам, запечатлевшим победу великого народа русского! В героическом реализме отобразятся подвиги победоносного воинства. Будет создано особое хранилище этих великих памятков...

В дальних Гималаях радуемся. Приветы шлем. В лучах восхода видим праздник Москвы, праздник сердца народов. Хотелось бы послать на эту выставку мои: «Победа», «Партизаны», «Богатыри проснулись»... А как пошлешь? Отсюда еще хоть на верблюдах, а там куда довезет поезд? Если даже малые письма не доходят, то где же думать о посылках, о ящиках!

Мечтается, что преграды должны исчезнуть. Общечеловеческое естество должно превозмочь зубчатые заборы ненависти. Новое прекрасное трудовое действие откроет врата народных достижений.

Культурная связь воздвигнет сотрудничество народов. Обмен искусства породит новых друзей, даст содружество, тепляющее сердца. Старинная пословица напоминает: «Взаимность — душа договоров».

Вот здесь издается на многих языках журнал «Дунья» («Весь мир»), а по-русски выходит милое имя Дуня.

Русское художество, избежав всякого ветхого фюмизма и блеффизма, идет широкой здоровой стезею героического реализма. От этого торного пути много тропинок ко всем народам, возлюбившим народное достояние. Сняты ржавые замки. Выросло дружное желание сотрудничества. Победа! Победа! И сколько побед впереди!

24 мая 1945

Н.К. Рерих. Эскиз театральной декорации к опере А.П. Бородина «Князь Игорь». Путивль. 1914

Евграф Кончин

Рерих, опаленный войной*

Мой рассказ — о тех картинах, эскизах и рисунках Рериха, которые попали в годы Великой Отечественной войны в огненную, всепоглощающую и всеиспеляющую круговерть, но были спасены, подчас чудом, для нашего и будущего поколений. До сего времени было почти неизвестно — кто и при каких страшных, смертельно опасных и сложных обстоятельствах их сохранил. Рассказ мой — о тех, пожалуй, самых трагических страницах в их «биографиях», которые могли стать вообще последними для них... Итак, о спасении картин Рериха сотрудником Третьяковской галереи.

С Третьяковской галереей связан один из первых творческих успехов Николая Константиновича. Павел Михайлович Третьяков сразу же заметил необычное дарование молодого Рериха. Он-то и приобрел у Николая Константиновича

в 1897 году первую его значительную картину «Гонец. Восстал род на род», одно из самых знаменитых, широко известных теперь произведений художника. Картина побывала на множестве выставок, сотни раз репродуцировалась, поэтому знакома всякому, кто интересуется изобразительным искусством. О ней столько написано в книгах, монографиях и статьях, что нет необходимости повторяться. В Третьяковскую галерею поступили также «Красные паруса. Поход Владимира на Корсунь» (картина приобретена Советом галереи в 1907 году у В.В. фон Мекка), «Город строят», купленный в 1902 году, «Ростов Великий», поступивший в 1920 году из собрания А.А. Бахрушина, картина «Бой», приобретенная в 1909 году. Из коллекции музыканта С.А. Кусевицкого в 1920 году пришел этюд «Сан-Джеминиано», а из Русского музея — «Пещное действо» и несколько

* Печатается по: Кончин Е. Рерих, опаленный войной... / Рерих Н.К. О Великой Отечественной войне. М., 1994. (С небольшими сокращениями.)

эскизов декораций для постановки оперы Бородин «Князь Игорь». В Третьяковке хранятся этюды, эскизы, рисунки, начиная с академических штудий художника, сделанные еще в 1889—1900 годах. Огромно творческое наследие Рериха!

Лето сорок первого года выдалось жарким, сухим. Сроки на подготовку к эвакуации Третьяковской галереи были предельно сжатые — девять дней. Поначалу происходило так — в одних залах еще ходили посетители, а в соседних — снимали картины со стен, переносили вниз к приготовленным ящикам. Работа шла слаженно, без спешки и излишней суеты. А главное — с учетом основных специальных требований, которые предъявлялись к вывозу столь уникальных художественных произведений. Конечно, встречались непредвиденные осложнения и накладки, но с ними быстро справлялись. Ну, например, привезли сырые доски для ящиков. Что делать? Помогла страшная июльская жара — она-то и подсушила доски.

К отправке на восток было приготовлено 18 430 экспонатов, уложенных в 634 ящика. На машинах их доставили на товарную станцию. Погрузили в вагоны — получился большой состав. Правда, вместе с имуществом других московских музеев. В этих же вагонах разместились и

сотрудники. Подготовка происходила в условиях полной секретности. О дне отправления и месте назначения никто не знал. Отправались июльской ночью. Без гудка. Без провожающих. Без привычных напутственных слов. Состав дернулся внезапно. Застучали колеса, и за окнами замелькали, без единого огонька, силуэты московских зданий.

А через три часа после ухода эшелона — случилось страшное. На товарную станцию налетела фашистская авиация. Несколько бомб упали прямо на то место, где находился музейный состав. Словно кто-то «навел» вражеские самолеты. Кстати, старые сотрудники Третьяковки, с которыми я разговаривал, уверены в такой предательской «наводке». Трудно себе представить, какой невосполнимый урон понесла бы отечественная и мировая культура, если бы фашистские «юнкерсы» прилетели тремя часами раньше!..

Вражеские самолеты бомбили и здание галереи в Лаврушинском переулке. Одна бомба взорвалась в гардеробе, другая — попала в зал, в котором еще несколько дней назад экспонировались полотна Левицкого, Боровиковского, Рокотова...

Когда эшелон пересек Урал, директор Третьяковской галереи Александр Иванович Замошкин,

Н.К. Рерих. Эскиз театральной декорации к опере А.П. Бородина «Князь Игорь». Двор Владимира Галицкого. 1914

согласно строгому предписанию, вскрыл «совершенно секретный» пакет, из которого узнал, что конечным пунктом их следования является Новосибирск. Здесь Третьяковке и предстояло провести несколько военных лет.

Не просто провести. В ноябре 1942 года в столице Сибири была открыта выставка картин галереи, извлеченных из ящиков. Среди них были и холсты Рериха, посвященные Древней Руси, русскому народу, его истории. Патриотическая их направ-

водил его директор Петр Казимирович Балтун. Среди семи с половиной тысяч вывезенных картин были и картины Рериха — «Зловещие», «Идолы», «Дозор», «Славяне на Днепре», «Городок», «Заклятие земное», «Илья-Пророк», «Три радости», «Черный берег» и другие, множество эскизов, этюдов, набросков, рисунков к картинам, монументальным и театральнo-декорационным произведениям.

Эшелон с сокровищами Русского музея отправился из Ленинграда 1 июля 1941 года. Когда

Н.К. Рерих. Север. 1902

ленность вызвала большой отклик. Выставка стала подлинным праздником для города и его жителей, но особенно для эвакуированных сюда москвичей. Одним из первых посетителей был композитор Дмитрий Дмитриевич Шостакович. Он внимательно осмотрел экспозицию. Постоял и у картин Рериха, расспрашивал о них сотрудников галереи.

В Москву галерея вернулась в ноябре 1944 года. А в полдень 17 мая 1945 года она распахнула двери перед посетителями.

В Новосибирск в том же специальном эшелоне прибыло и собрание Государственного центрального театрального музея имени А.А. Бахрушина. Но вскоре 15 ящиков с его экспонатами были перевезены в город Соликамск и размещены в бывшем Троицком соборе. Там было сухо, но помещения не отапливались, поэтому зимой находиться в них было невозможно. Так и простояли эти ящики до конца войны, до возвращения в Москву. А в них были и работы Рериха. Это — эскизы декораций и костюмов к постановке оперы А.П. Бородина «Князь Игорь», к опере Н.А. Римского-Корсакова «Снегурочка», к балету И.Ф. Стравинского «Весна Священная» и много других.

Организованно и слаженно прошла эвакуация ленинградского Русского музея, которой руко-

состав двинулся в путь, сотрудники музея — и те, кто отправлялся вместе с экспонатами, и те, кто оставался в городе, — не смогли сдержать слез. Но вряд ли они предполагали, что многие из них уже не увидят друг друга — погибнут на фронтах войны, умрут с голода в блокадном Ленинграде.

Вначале имущество Русского музея разместилось в здании Горьковского художественного музея, но вскоре его перевозят в Пермь и Соликамск. Попутно замечу: один из картонов Рериха — эскиз декорации к постановке драмы М. Метерлинка «Принцесса Мален», который хранился в коллекции Музея-квартиры И.И. Бродского, прибывший тем же эшелонem в Горький, — также был отправлен в Соликамск и до конца войны находился в Троицком соборе.

Русский музей вернулся в Ленинград в конце войны и был открыт для посетителей в 1946 году.

Одно из самых значительных и разнообразных собраний работ великого художника хранилось в Смоленске, в довоенном краеведческом музее. Ведь Николай Константинович часто, начиная с 1902 года, бывал в Смоленске, подолгу работал в Талашкине у княгини Марии Клавдиевны Тенишевой, своего близкого друга и единомышленника. Здесь он был как дома. Писал о Талашкине: «В Кривичах Смоленских на великом пути в Греки

Н.К. Рерих. Каменный век. Север. Охота на моржей. 1904

этот родник. Там многое своеобразно. Дело широко открыто всему одаренному, всем хорошим поискам»¹. Сам испытал из этого родника, сам пополнил его своим живительным искусством. Создал росписи в церкви-усыпальнице во Фленове, эскизы к мозаичному «Спасу» над ее входом, наброски интерьера, мебели, эмалей, вышивок. Музей бережно хранил эти эскизы, картон к «Спасу». Картины «Голубиная книга» и картину «Древо преблагое глазам утешение», созданную здесь же, в Талашкине, в 1912 году. В них отразились древние сказания славян, населявших Смоленщину.

Рериховское собрание составляли картины «Псковский погост», пастели «Палата» и «Слобода» — эскизы декораций к опере Римского-Корсакова «Снегурочка», а также «Трон невидимого бога», «Озеро Пирос», шесть пастельных эскизов к «Сибирскому фризу», датированные 1903 годом. Кроме того, музей хранил древние предметы быта и культуры из археоло-

гических раскопок, которые проводил Николай Константинович вблизи города.

С первых дней войны фашисты начали ожесточенно бомбить Смоленск. Однажды ночью бомба попала в музейное здание. Возник пожар, который удалось потушить с большим трудом. Пострадало несколько сотрудников. Надо было срочно эвакуировать экспонаты. Подготовкой к их вывозу руководила директор музея Ефросинья Васильевна Буркина с немногими оставшимися сотрудниками. Ей удалось выпросить лишь один вагон вместо двух. Только для самых ценных вещей. Вывозили их на вокзал днем и ночью. Сначала на воинском грузовике, затем на телеге с лошадейю.

Уже ушли последние эшелоны. А музейный вагон так и оставался в тупике, куда его задвинули, чтоб не мешал. Никакие мольбы Буркиной не помогали. Диспетчер оставался непреклонным, даже грозил отобрать вагон, а «игрушки» из него выбросить. Тогда Ефросинья Васильевна кинулась к члену Военного Совета 16-й Армии генера-

¹ Рерих Н.К. Собр. соч. Т. I. М., 1914. С. 106.

Н.К. Рерих. Зловеще. 1901

Н.К. Рерих. За морями земли великие. 1910

Н.К. Рерих. Славяне на Днепре. 1905

лу Алексею Андреевичу Лобанову, руководившему эвакуацией военного имущества и промышленного оборудования, раненых, женщин и детей.

— Помогите, товарищ военный! Не отправляют наш вагон. А в нем огромные ценности. Сорок тысяч экспонатов, картины, скульптура, исторические реликвии. Особенно — картины великих русских мастеров. Крамской, Репин, Врубель, Серов, Рерих... Наша национальная гордость! Нельзя их оставлять в рагу!

По приказу Лобанова музейный вагон прицепили к эшелону с заводским оборудованием, и 9 июля 1941 года поезд отправился на восток. В вагоне приютились и сотрудники музея. Было очень тесно. Можно было только сидеть или стоять. Спали по очереди на ящиках с экспонатами. Ехали без самых необходимых вещей и одежды, на всех — кулек сахара и несколько десятков сухарей. Мучила жажда.

В Вязме застряли. Здесь скопилось множество воинских и санитарных составов. Бомбежки следовали одна за другой. Кто-то из военных, пробегая мимо вагона, заглянул в него и крикнул:

— Сейчас же выходите и прячьтесь в канаву!..

— Никуда не уйдем...

Хотя было очень страшно, остались на месте. А если б вагон загорелся? Кто стал бы его тушить? Будь что будет! Кругом — взрывы, пламя, дым,

вой самолетов и пальба зениток. После налета Буркина побежала к диспетчеру, поскольку вагон отцепили от эшелона. Еле уговорила его пойти и посмотреть, что же она везет. Еще не доходя до вагона, он сказал:

— Тот ваш?

Определил по голове бронзового клодтовского коня, которая высовывалась из узкого окошечка.

— Ладно, что-нибудь придумаем...

Придумал. Написал на вагоне «Цирк». Такой живой груз старались не задерживать. Вагон прицепили к какому-то составу, и опять пошли километры за километрами. Лишь через двадцать дней прибыли в Горький.

Под новый 1942 год пришлось перевозить экспонаты не только Смоленского, но и ряда других музеев в Новосибирск. В пути произошел случай, который мог трагически кончиться и для картин, и для людей. Ночью от искры паровоза загорелась крыша вагона. Люди стали стучать в стенку и кричать: «На паровозе, остановитесь. Горим!..»

Но машинист не слышал и продолжал всю гнать поезд. От ветра пламя разгоралось еще быстрее. Вот-вот оно охватит вагон, перекинется и на другие. Всех охватил ужас. Женщины и дети плакали. Некоторые распахнули дверь — приготовились прыгать в темноту, в снег. А морозы стояли крепкие.

Н.К. Рерих. Крик змия (вариант). 1914

Вдруг раздался грозный окрик:
— По паникерам буду стрелять! Все на тушение пожара!

Правда, у старого вахтера Ленинградского музея этнографии Андрея Николаевича Вихорева не было никакого оружия, кроме свистка. Но его послушались. Он, перевязавшись веревкой, влез на крышу вагона. Ему стали подавать ведра с питьевой водой, одеяла, тряпки. И огонь потушили. Вихорева втащили в вагон почти в беспамятстве.

В Новосибирске экспонаты Смоленского музея находились до освобождения Смоленска от врага. В мае 1945 года музей открыл свои двери для первых послевоенных посетителей. Их встретили спасенные картины; среди них были и рериховские полотна.

Эвакуация Новгородского музея проходила так же, как и Смоленского. Бомбежки, спешка, поиски ящиков, веревок, гвоздей, машин, уговоры начальства выделить больше вагонов. Особенно много хлопот доставила картинная галерея, которая находилась в основном на попечении Николая Григорьевича Порфиридова и Леонил-

лы Михайловны Глацинской. Упаковать старые, подчас обветшавшие холсты — большое умение. Холсты Левицкого, Боровиковского, Айвазовского, Тропинина, Кипренского, Крамского, Поленова, Репина, Рериха... Это — его картины «Чудь под землю ушла», «Озерная деревня», «За морями — земли великие», произведения важные в творчестве художника, написанные в пору расцвета его «русского периода» и посвященные седой старине, легендам, поверьям и былинам. Будто бы о них писал М. Волошин: «С сурового древнего Севера принес свое искусство Рерих»².

Николай Константинович любил Новгород, издревле русский город, часто здесь бывал, писал картины, изображая на них древние новгородские храмы и крепостные стены. Стены и храмы, которые в сорок первом нещадно бомбила фашистская авиация...

Ночью 2 августа музейный вагон прицепили к эшелону. Всем приказали никуда не отлучаться — поезд может отправиться в любую минуту. «Минута» обернулась двумя сутками. За это время гитлеровские самолеты налетали на станцию

² Волошин М. Лики творчества. Л., 1988. С. 278.

Н.К. Рерих. Эскиз театральной декорации

Н.К. Рерих. *Короны*. 1914

более пятидесяти раз. Наконец состав тронулся. Шел медленно, часто останавливался, ибо бомбежками были разбиты железнодорожные пути. Когда прибыли на станцию Чудово, то не узнали ее. Накануне от фашистской бомбы взорвался состав со снарядами. Страшный огненный смерч смел и выжег все живое вместе со станционными зданиями, постройками, со всеми находившимися здесь поездами и вагонами. Зрелище жуткое! Поторопись немного — и такая же участь ждала бы музейные вагоны. Ничего не осталось бы от них — ни людей, ни картин. Когда прибыли в Киров, на вагоны страшно было смотреть, настолько они были иссечены осколками. Выбрались чудом.

Впрочем, так же, как и вагон с экспонатами Псковского музея, тоже доставленного в Киров. Всего шесть часов дали его сотрудникам на сборы. Выделили один вагон вместо семи, которые просил директор Алексей Андреевич Пурышев. Поэтому из 3500 картин, гравюр, рисунков и скульптур удалось вывезти только 170 полотен. В их числе была картина Рериха «Крик змия», созданная в 1913 году и переданная Псковскому музею из Петроградской Академии художеств в 1922 году.

За час до отхода поезда на станцию снова налетели фашистские самолеты. Бомба упала вблизи музейного вагона. Один из осколков пробил

его стену и врезался в ящик с полотнами. И там застрял. Наткнулись на него только в Кирове. Вначале не могли понять, что это за странный кусок металла. Потом сообразили и ахнули: «Слава Богу, в людей не попал!..»

А вот картины Воронежского музея пришлось увозить в ящиках из-под... махорки. Других не нашлось. В них уложили холсты Антропова, Рокотова, Тропинина, других русских и западноевропейских художников. И две живописные работы Рериха — «Князь охота» и «Утро» (эскиз), датированные 1901 годом. Состав отправился из Воронежа в Омск 12 ноября 1941 года. Несколько раз он попадал под бомбежку. Однажды налет вражеских самолетов застал поезд на небольшой станции между двумя эшелонами с боеприпасами. Попади бомба в один из них — на расстоянии нескольких километров не осталось бы ни одного вагона, ни одного человека. О картинах и говорить нечего. Но пронесло!

Очень интересной коллекцией произведений Рериха обладал Киевский музей русского искусства. Это — пастели «Север» (1902) и «Колдуны» (1905), живописный холст «Короны» (1913), темпера «Св. Никола» (1916). Наверное, их тоже имел в виду Николай Константинович, когда писал: «Пусть наш Север кажется беднее других земель, пусть закрылся его древний лик. Пусть люди знают о нем мало истинного. Сказка Севера

глубока и пленительна. Северные ветры бодры и веселы. Северные озера задумчивы. Северные реки серебристые... Сами варяги пришли с Севера...»³ Неисповедимыми путями картины попали на юг, в Киев, мать городов русских, и были здесь весьма почитаемы. Но в тяжелую годину они вновь отправлялись на север и восток — для спасения своего и сохранения. Отправлялись путем рискованным — на барже, прицепленной к буксирному пароходу. В два часа ночи 5 июля 1941 года небольшой караван отошел от пристани и направился в Днепропетровск. Нужно было пройти по Днепру под мостами, которые почти непрерывно бомбила вражеская авиация. Всю ночь стоял на берегу директор Киевского музея западного и восточного искусства Василий Федорович Овчинников, руководивший эвакуацией художественных ценностей всех киевских музеев. Волновался, прислушивался к далеким ударам бомб и стрельбе зениток. А над головой летали к мостам самолеты со свастикой на крыльях. На рассвете он пробрался через толпу к измученному диспетчеру, и тот устало махнул рукой:

— Прошел караван...

Но уже за Киевом на пароход налетел одинокий «мессершмитт». Капитан увернулся от прямого попадания, осколки лишь рубанули по бортам. В Днепропетровске перегрузили ящики в вагоны. Добавили к ним экспонаты Днепропетровского музея, в том числе работу Рериха «Стрелки», написанную в 1908 году. Добрались до Уфы. Здесь ценности украинских музеев и переждали военную годину.

Кстати, в Уфе собралась большая коллекция произведений Рериха, вывезенных сюда и из других украинских музеев. Так, из Николаевского художественного музея имени В. В. Верещагина — «Башня», эскиз к картине «Псков», одной из значительных в творчестве художника, а также набросок к широко известному полотну «Собирают дань» (1908). Их вывезли чудом, ибо большую часть собрания эвакуировать не удалось и она попала в руки врага. Такая же трагическая участь постигла Одесский музей. Большинство его картин осталось в оккупированном городе и подверглось разграблению. В числе немногих спасенных были рериховские «Заморские гости» — вариант знаменитого произведения, созданного в 1901 году и хранящегося в Третьяковской галерее, «Знамение», исполненное в 1915 году, пастель «Колдун», эскизы декораций к «Принцессе Мален» М. Метерлинка.

Трагическая судьба ожидала бы и Калужский музей, если бы не произошло нечто почти невероятное... Но по порядку. Его коллекции не эвакуировали, и они полностью достались фашистам. Оккупанты устроили аукцион, на котором про-

давали картины и рисунки офицерам, но лучшее намеревались отправить в Германию. Тщательно упаковали холсты и графику в массивные ящики, надписали и поместили в одну из комнат музея. Такой «чести» удостоился «Терем Ярославны» Рериха, эскиз декорации ко второй картине оперы Бородина «Князь Игорь», исполненный в 1908 году. Этот эскиз принадлежал, вероятно, известному русскому дирижеру Сергею Александровичу Кусевицкому, что удостоверялось надписью на обороте эскиза.

Неожиданно советские войска 21 декабря 1941 года прорвались в Калугу, и завязались бои на ее окраинах. Гитлеровцы стали спешно вывозить свое и награбленное имущество. И картины не забыли бы. Но в комнату, где картины находились, пробрались сотрудники музея Николай Михайлович Маслов и Василий Иванович Извеков, назначенные оккупантами сторожами. Они перетащили ящики в другую комнату, придвинули к отдаленной стене и забросали сломанной мебелью, рамами, книгами — всем тем, что было нагромождено в разгромленных музейных помещениях. Еле-еле успели. Вышли в коридор и столкнулись с солдатами, которые пришли за ящиками. Жестами объяснили им, что «дескать, ящики с картинами уже ваши взяли — посмотрите, их здесь нет...». Солдаты поверили и торопливо выскочили из здания. Если бы немцы заподозрили обман, патриотов расстреляли бы на месте.

Странная история произошла с «Фантастическим пейзажем» Рериха, который хранится в Тверском художественном музее. По одним сведениям, он в числе немногих наиболее ценных работ был вывезен из города буквально из-под носа у немцев, по другим — оставался в музее. Но так или иначе, он сохранился.

Конечно, военная судьба произведений Рериха не всегда заканчивалась столь благополучно. Как, впрочем, и сотен тысяч (!!!) картин, рисунков и скульптур русских и зарубежных художников. Не исключено, что холсты или пастели Рериха находились в собрании Симферопольского музея, которое полностью сгорело ночью 27 октября 1941 года от фашистской бомбы в одном из портовых складов Керчи, дожидаясь отправки на «Большую землю». Возможно, эскизы Николая Константиновича к его театральным постановкам были потоплены в Волге 24 августа 1942 года на пароходе, пущенном ко дну вражеским самолетом вместе с ранеными, женщинами, детьми и всеми экспонатами Сталинградской картинной галереи. Фашистскими снарядами был разрушен в Ленинграде, на Морской улице, фриз «Север», исполненный по эскизам Рериха в 1905 году. В значительной степени утрачено и другое монументальное

³ Рерих Н.К. Собр. соч. Т.1. С. 207.

произведение художника — декоративное панно «Богатырский фриз», славящее Россию, ее героический народ, ратную славу и подвиги ее сынов. Он был создан в 1910 году в Петербурге для столовой в доме Ф.Г. Бажанова (улица Марата, 72) и состоял из семи больших декоративных панно. Их высота — 2,03 метра, общая длина — 25,75 метра. Кроме того, над окном и на оконных наличниках были размещены еще 12 панно меньших размеров. Грандиозное произведение. Названия главных панно говорят сами за себя: «Баян», «Витязь», «Микула Селянинович», «Вольга», «Илья Муромец», «Соловей Разбойник», «Городище», «Садко».

В 1964 году уцелевшие фрагменты фриза передаются в Русский музей. С огромнейшим трудом отреставрированы мастером К.В. Берняковичем и впервые экспонировались на юбилейной выставке работ Рериха в 1974 году в Ленинграде.

Погибла также мозаика, созданная по эскизам Рериха в церкви поселка Морозовка вблизи Шлис-сельбурга.

По всей вероятности, какие-нибудь произведения Рериха находились в музеях Минска, собрание которого было захвачено врагом и бесследно исчезло. Они были вывезены в Германию, а затем, после окончания войны, растворились в частных коллекциях США и других стран. Время от времени мелькают сообщения о продаже работ художника на западных аукционах. Но доказать их былую принадлежность советским музеям трудно. Подобных каталогов музейных собраний до войны практически не было, а уцелевшие описи поверхностны и несовершенно. Уверен, что и в нашей стране — в частных руках имеются работы Рериха, прошлое которых загадочно и непознано. Быть может, они некогда пребывали в разграбленных и разворованных музеях, оказавшихся на оккупированной врагом территории. Точное число произведений великого мастера, исчезнувших в годы Великой Отечественной войны, неизвестно.

...Но спасенные его картины ныне имеют особую нравственную значимость. Они как бы несут в себе трагические и героические отсветы прошедшей войны. Они овеяны высокими человеческими качествами — патриотизмом, самоотверженностью, исполнением своего профессионального долга тысячами людей. Теми качествами, которые столь почитал Николай Константинович и к коим призывал в своих статьях, которым сам следовал в жизни и творчестве. Как здесь не вспомнить его слова: «Подвиг создает и накапливает добро, делает жизнь лучше, развивает гуманность. Неудивительно, что русский народ создал эту светлую, эту возвышенную концепцию»⁴. Спасение произведений Рериха — тому свидетельство.

Мысли Рериха, высказанные 50—60 лет назад, звучат современно. И они своевременны, они — ко дню нынешнему.

Рерих ненавидел насилие, более всего — войну. Он называл ее «безумием». Будучи по своей природе величайшим гуманистом, Рерих считал, что человек живет для созидания, строительства. Война в его понимании — противоестественное для людей состояние, глубочайшее невежество и жестокосердие.

Накануне Первой мировой войны Рерих создает пророческий цикл картин. Картины-предупреждения, картины-символы. В них возникает образ исполинского змея, свирепого, губительного пламени, образ пылающей земли. Грядет вселенская катастрофа.

В дни Первой мировой войны Рерих — ревностный устроитель сборов для раненых, для госпиталей, председатель комиссии по организации художественных мастерских «для увечных и раненых воинов». Художника ужасает количество убитых, судьба раненых, отравленных газами, искалеченных осколками.

В 1934 году в очерке «Крылья» Рерих писал: «Бороздят синеву самолеты. Несут ли добрые вести? Или панацеи? Или знания? Или помощь? А вдруг — бомбы? А вдруг губительные газы? А вдруг уничтожение? Чего больше?»

Допущены ли бомбы, газы, убийства? Разрешено ли поношение рода человеческого? На каком совете решено убийство? Мирный поселянин где-то строит очаг, а может быть, за морями уже готовятся бомбы и яды, чтобы умертвить детей его! Кто знает, где таятся злоумышления? Где готовятся покушения? Не огрубело ли сознание, если оно так легко привыкло к созерцанию убийств?»⁵

Война, зверство одичавших людей, унижение человеческого достоинства, уничтожение памятников культуры — вот что возмущает и страшит Рериха, вот с чем борется он как художник и как публицист.

В 1936 году Николай Константинович создал картину «Армагеддон», на которой изобразил старинный город, объятый пламенем пожара, и людей из него бегущих. Эта картина — крик ужаса и боли, новое пророческое предупреждение. <...>.

Когда в июне 1941 года Гитлер вероломно, без предупреждения, напал на Советский Союз, Николай Константинович Рерих жил в далеких Гималаях. Весть о начале Великой Отечественной войны глубоко взволновала семью Рерихов. Старший сын Николая Константиновича Юрий Николаевич сразу же после начала военных действий на русском фронте выразил готовность вступить добровольцем в ряды Красной Армии. Но на это он не получил согласия. Николай Константинович и его младший сын художник Святослав Николаевич проводят несколько выставок с продажей картин;

⁴ Рерих Н.К. О Великой Отечественной войне. М., 1994. С. 27.

⁵ Рерих Н.К. Врата в Будущее. Рига, 1991. С. 3.

Н.К. Рерих. Бой Александра Невского с ярлом Биргером. 1904

большая часть сбора направляется в пользу Советского Красного Креста и на военные нужды Красной Армии.

Николай Константинович Рерих использовал каждую возможность быть хоть чем-то полезным Родине.

С самых первых дней войны, когда Красная Армия отступала под натиском врага, терпела поражения, Рерих предрекал победу России, верил в нее свято. Уже через пять недель после начала войны Николай Константинович напишет:

«Вместо горького испытания русский народ являет великое преуспеяние. Возникло общее дело, а ведь такое осознание не может родиться на бесплодном пустыре... В грозе и молнии рождаются герои»⁶.

На мольбертах художника появляются картины: сквозь заснеженный лес пробираются партизаны («Партизаны»), несет дозор на родной земле богатырша Настасья Микулична («Настасья Микулична»), отправляется в поход со своим войском князь Игорь («Поход Игоря»)...

В своем творчестве Рерих обращается к героическим истокам России.

В статье «Слава», написанной 4 февраля 1943 года, Рерих говорил: «Спорили мы со многими шатунами,

сомневающимися. Лжепророки предрекали всякие беды, но всегда говорили мы: «Москва устоит!», «Ленинград устоит!», «Сталинград устоит!»». Вот и устояли! На диво всему миру выросло непобедимое русское воинство! Жертвенно несет русский народ все свое достояние во славу Родины!»⁷

Николай Константинович, как человек сугубо русский, прекрасно знавший Россию, ее историю, ее древности, исконную ее суть, свои надежды на победу возлагал на русского солдата. Но как великий гуманист, гражданин Мира, хорошо знающий культуру многих народов, абсолютно чуждый национальной ограниченности и расового снобизма, Рерих понимал — победу можно одержать только в единстве, в сплоченности всех народов страны. Поэтому постоянно подчеркивал значение «сотрудничества народов в одной созвучной семье», «всесоюзной семьи народов, дружно слившихся на священной единой целине».

Очерки Николая Константиновича Рериха, написанные в годы Великой Отечественной войны, говорят о горячей любви великого русского художника и патриота к Родине и непоколебимой вере в духовную силу русского народа.

⁶ Рерих Н.К. Врата в Будущее. С. 23, 24.

⁷ Рерих Н.К. О Великой Отечественной войне. С. 30.